

Л.В. Бондаренко

МУСТАЙ КАРИМ – ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКОВ БАШКОРТОСТАНА (к 95-летию со дня рождения)

***Аннотация.** Приближается 95-летие со дня рождения народного поэта, Героя Социалистического Труда Мустая Карима. Его поэзия, проза, драматургия и публицистика прочно вошли в золотой фонд отечественной литературы. Многогранный талант и высокая личность Мустая Карима вызвали огромный интерес у художников Башкортостана.*

***Ключевые слова:** художники Башкортостана, классик башкирской литературы, портрет, национальный колорит, творческое наследие, поэтическая мудрость.*

***Abstract.** The 95th anniversary of Mustai Karim, the national poet, the Hero of Socialist Labor is coming. His poetry, prose, playwriting and journalism became ingrained in the national literature gold pool. The versatile talent and an outstanding personality have kindled interest of the artists of Bashkortostan.*

***Key words:** the artists of Bashkortostan, the Bashkir literature classics, a portrait, national colour, artistic legacy, poetic wisdom.*

Мустай Карим – великий сын Башкортостана, выдающийся поэт, вышедший из глубин народных масс и ставший поистине народным. Он не только замечательный мастер слова, мыслитель, видный общественный деятель, но и верный солдат нашей отчизны, который с оружием в руках участвовал в Великой Отечественной войне, преданный патриот своей страны. Все творчество народного поэта стало духовным достоянием и гордостью нашей республики. Его поэзия, проза, драматургия, публицистика отличается самобытностью поэтических образов и глубиной философского мышления, что вошли в золотой фонд отечественной литературы.

Многогранный талант и личность Мустая Карима вызвали большой интерес в среде художников, и его образ не единожды был запечатлён современниками в различных видах изобразительного искусства. Надо отметить, что с некоторыми художниками Мустафа Сафич был лично знаком и даже оставил о них и их творчестве интересные заметки.

Классика башкирской литературы в лучших традициях социалистического реализма запечатлел в своей работе Рашит Мухаметбареевич Нурмухаметов. В 1971 году он создал портрет М. Карима, изобразив его на сцене во время выступления. Люди, хорошо знавшие писателя, отмечали, что М. Карим был великолепным рассказчиком и вдохновенно читал свои стихи. Портрет выполнен в рост на полотне вертикального формата.

Художник как бы смотрит на поэта из зала снизу вверх, отчего персонаж на портрете приобретает ещё большую величавость. Портрет можно отнести к так называемым парадным, где трактовка личности поэта-патриота и мыслителя соответствует сложившемуся у зрителя образу.

Совсем иной подход к образу М. Карима воплотил в своём творчестве Ахмат Фаткуллович Лутфуллин. Их знакомство произошло, вероятно, в 1961 году на групповой выставке художников, проходившей в Москве. В период с 1971 по 1978 годы Ахмат Фаткуллович трижды изображал поэта. Всем этим портретам свойственен тонкий психологизм, но наиболее удачным является вариант 1978 года, ныне хранящийся в Башкирском государственном художественном музее имени М.В. Нестерова. Работая над портретом, художник не искал эффектных форм, а сосредоточил своё внимание на личности персонажа. Создавая камерный портрет в серебристо-синих тонах на почти квадратном формате, художник выбирал удачную характерную позу, отчего композиция приобрела естественную четкость, емкость. С полотна на нас смотрит углубившийся в свои думы человек. Простота в колорите и постановке объекта являются отличительными чертами портрета.

М. Карим рассказывал, что, когда он позировал Лутфуллину, «...видел уже зрелого мастера, самобытного художника, имевшего своё творческое лицо. Я часто размышляю о героях его картин –

беспокойных, неугомонных, быть может, чуть натуральных в проявлении чувств – и каждый раз убеждаюсь: его образы будят мысль, они о земле Башкирии, её народе, неповторимой судьбе. И смерть, и счастье эти люди принимают с достоинством, от радости не скачут, от горя не сгибаются... Мне дорога живопись Ахмата. Если говорить на языке крестьян, по своим истокам он – парень из моего аула. Я не раз наблюдал, как работает Ахмат Лутфуллин в мастерской. Когда он писал мой портрет, я ездил к нему, мы говорили об искусстве, литературе, музыке, о судьбах художников... Лутфуллин – художник драматического плана. Это нашло наиболее полное отражение в картине «Проводы на фронт». Даже его самые праздничные картины несут в себе раздумья, а значит, и грусть... И я вижу, что в произведениях Ахмата Лутфуллина изображена жизнь без прикрас и выдумок, такой, какой её и обязан показывать настоящий художник...

В своё время М. Карим не раз выручал Лутфуллина в трудных ситуациях, защищая от несправедливой критики.

Портреты Мустая Карима создали также Ю.М. Ракша, Р.Ф. Имашев, А.А. Холопов, У.Г. Мухаметшин и другие художники.

Своеобразной хроникой культурной жизни республики являются групповые портреты, такие, как триптих «Душа земли» (1994, БГУ), написанный художниками Г.Г. Калитовым и Р.С. Зайнетдиновым. Образ Мустая Карима занимает здесь одно из центральных мест в числе культурной элиты Башкортостана. Особенностью работы, выполненной в лучших традициях монументального искусства, стало декоративное решение цветовой гаммы произведения.

Художественно-документальную ценность представляют и жанровые полотна, посвящённые образу писателя. Так, в творчестве Григория Михайловича Круглова наиболее значительной является картина «Встреча Мустая Карима с земляками». Над полотном художник работал с 1981 по 1989 годы. Художник сумел создать полотно большого социального звучания, изобразив атмосферу радостного события. Образ М. Карима отмечен значительностью и обаянием. Полнозвучные краски,

создающие единый цветовой строй картины, удачно передают непосредственность жизненного события. «Есть разные определения реализма в искусстве – просто реализм, критический реализм, социалистический реализм, – писал в своё время М. Карим. – Когда я смотрю на работы Григория, на ум приходит ещё одно определение – это упрямый реализм Круглова. Лет эдак через сто зрители, увидев его картины, скажут: «Оказывается, во времена Григория Круглова жили нормальные люди. Руки у них – как руки, ноги – как ноги, головы на плачах. Глаза на своих местах, главное – они зрячие! Упорно пашет он своё поле, как пахарь, отважно штурмует свою высоту, как воин-фронтовик. Он, возможно, не герой, но и не бездельник и не трус. Спасибо тебе, Гриша». Эти слова о творчестве художника писатель высказал в 2003 году, предположительно, во время работы над полотном «Встреча М. Карима с преподавателями Уфимского энергетического колледжа».

Главной темой творчества Александра Даниловича Бурзянцева всегда была природа Урала, он обращался к ней на протяжении всей жизни. Поэтому не случайно сферой его интересов стала родина М. Карима. Работая в 1987 году в селе Кляшево, художник создал серию пейзажей: «Зыярат», «Здесь родился М. Карим» и др. Его романтическое мировосприятие воплотилось в насыщенных цветом холстах с богатой фактурой мазка. О творчестве Бурзянцева М. Карим в своё время говорил: «Что меня радует в темпераментном искусстве Александра Бурзянцева? Прежде всего, северные, есенинские пейзажи; он пишет старинные уральские городища, пишет природу Башкирии, и я вижу в его картинах национальный колорит края. Это идёт от высокой культуры художника, его интернационалистического духа. Произведения Бурзянцева заставляют думать, он совестливый художник и мыслит широко, объёмно. Бурзянцев из тех, кто не стоит на месте – может уставать, но ни в коем случае не останавливается».

Первый скульптурный портрет М. Карима был создан в мраморе в 1961 году заслуженным художником РСФСР и БАССР Тамарой Павловной Нечаевой. А

несколько позднее произошло его знакомство со скульптором Юрием Фёдоровичем Солдатовым в Художественном фонде. Солдатов вспоминал: «Я слышал о нём и раньше. Поразила меня тогда пышная копна его волос и какая-то подкупающая скромность, добрая улыбка – и никакого отблеска всенародной любви и славы». И далее: «Я как-то зашёл к М. Кариму домой. Всегда неспешная доброжелательность, содержательная беседа. Я набрался духу и говорю: «Давайте я сделаю ваш портрет в скульптуре». Он ответил: «Ко мне все обращаются. Л.Е. Кербель приставал, я ему отказал. А тебе попозирую. Только прочти мою книгу «Долгое-долгое детство». Я приступил к работе. Приношу эскиз, а он говорит: «Меня и раньше лепили — голова, шея... как отрубленные. А ты сделал торс, руки...»

Солдатов так пояснял свой замысел писателю.

– Ваша голова покоится на правой руке, Вы задумались о будущем, а левая свисает с кресла, и Вы вспоминаете с грустью об ушедших друзьях и боевых товарищах.

– Да ты философ!

– Я же художник. Скульптор должен мыслить философски, а выразиться символически.

В скульптурном образе, созданном Солдатовым, документальная точность изображения органично соединяется с яркой психологической характеристикой. Портрет был выполнен в 2006 году из нержавеющей стали и синтетической смолы. Теперь он является частью мемориальной доски, которая закреплена на доме, где жил поэт в последнее время (ул. Энгельса, дом № 5).

Сегодня башкирская драматургия немыслима без творческого наследия Мустая Карима, которое определило новые пути развития башкирского театра, обращенные к вечным, общечеловеческим темам посредством сюжета, и составляет золотой фонд национальной сценографии. Каждая постановка произведений драматурга становится своеобразным событием в театральном искусстве республики.

Творческий путь М. Карима в качестве театрального деятеля начался на сцене

Башкирского театра драмы имени М. Гафури пьесой «Свадьба продолжается» (1947). Затем последовали «Одинокая берёза», «Похищение девушки», «Неспетая песня», получившие признание публики. Они вывели М. Карима в число ведущих драматургов.

В 1960-1970-е годы в его творчестве появились такие произведения, как «В ночь лунного затмения», «Страна Айгуль», «Салават», «Не бросай огонь, Прометей!», ставшие крупными достижениями национальной драматургии. Творческий диапазон мастера весьма разнообразен. В 1980-е и в начале 1990-х годов он обращается к жанру политического фарса («Коня диктатору!») и философским притчам («Пеший Махмуд», «Вечерняя трапеза»).

Достоянием театральных подмостков стала и проза Мустая Карима, написанная простым, выразительным языком, отличающаяся образностью и глубоким содержанием («Долгое-долгое детство», «Радость нашего дома», «Помилование»).

Жизненная правда и романтическая возвышенность его произведений оказали огромное влияние на художественный облик и театральный репертуар национальной сцены. Они стимулировали поиски новых форм и выразительных средств в области постановочного, исполнительского и оформительского искусства, выявив истинный потенциал дарований режиссёров, исполнителей, художников.

Творчество М. Карима отличается богатой и яркой сценической историей. Более 50 лет со сцены Башкирского академического театра драмы им. М. Гафури не сходят его произведения. Первым сценографом, прикоснувшимся к творчеству М. Карима, была Галия Шакировна Имашева, главный художник театра, оформившая в 1947 году спектакль «Свадьба продолжается». В 1955 году, во время Декады башкирской литературы и искусства в Москве, за оформление спектаклей, среди которых был спектакль по произведению М. Карима «Одинокая берёза», она была удостоена звания Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Вершиной театрального творчества М. Карима стала драма «В ночь лунного затмения», повествующая об истории

трагической любви, случившейся два века назад в бескрайних башкирских степях. Её первая постановка в сценографии Г. Имашевой состоялась в 1964 году, за вариант 1967 года она была удостоена звания лауреата премии им. К.С. Станиславского. Сочетание холодных и горячих цветов в колорите оформления спектакля наиболее ярко подчеркнуло трагедийность ситуации. Цвет нес не только описательную нагрузку, но и являлся воплощением конфликта. Особое отношение к творчеству М. Карима нашло отражение в созданном Г.Ш. Имашевой триптихе по трагедии «В ночь лунного затмения» (1982), в котором она запечатлела облик любимого драматурга в окружении его персонажей.

М. Карим говорил: «По-моему, есть два типа театральные художники: одни в оформлении спектакля исходят из своего представления о пьесе, другие – из сути самого драматического произведения. Галию Шакировну Имашеву я отношу именно к тем театральным художникам, которые умеют проникнуть в суть произведения. Когда смотришь её декорации, удивляешься тщательному, добросовестному изучению текста. Она сначала усваивает текст и создаёт свою концепцию сценического воплощения спектакля, отталкиваясь от идейно-художественной ткани драматургического произведения. Мне близка её манера работы своей подлинностью и искренностью. Она не боится подробностей, деталей в оформлении. Подробность для неё есть не частность, а способ мыслить обобщенно. Имашева своим искусством не отвергает драматургию, а как бы соперничает с драматургом языком пластики во имя утверждения его позиций, мыслей. Что мне нравится в её сценографии? Раскованность. Во время постановок моих пьес «В ночь лунного затмения», «Страна Айгуль», «Салават. Семь сновидений сквозь явь» я ощутил, как художник может работать с автором произведения. Она всегда талантливо находит единое образное решение спектакля, не нарушая его содержания».

В мире поэтической мудрости М. Карима не раз черпал вдохновение сценограф Тан Гумерович Еникеев (в 1980-

2000 гг. – главный художник БГАТД). После 4 курса Московского художественного института им. В.И. Сурикова он попросился на практику в Башкирский драматический театр, здесь в 1973 году он познакомился с Рифкатом Исрафиловым. Так судьба свела двух талантливых людей, сотрудничество которых на почве единства взглядов и активных творческих поисков длится уже не одно десятилетие. Предложение об оформлении трагедии М. Карима «Не бросай огонь, Прометей!» было для Еникеева неожиданным. Во время службы в армии ему в воинскую часть пришла бандероль, в которой находился текст пьесы и коротенькая записка Р. Исрафилова: «Прочти и напиши свои соображения». Работа над данным произведением стала одной из серьёзных творений художника. Точно уловив структурные особенности поэмы, построенные на сопоставлении двух миров – Олимпа и Земли, мира богов и людей – он создаёт мизансцену, решает пластику и цвет таким образом, чтобы зритель почувствовал суть драматургии, её стилистику, для достижения той же цели использует в оформлении скал деформированный металл.

В сценографии инсценировки «И судьба – не судьба» по повести «Долгое-долгое детство» Еникеев сумел проникнуться духом волнующей мустаевской прозы и перенести с языка литературы на язык театра поэтические рассказы героя произведения. Художник создал единую пластическую среду, в которой действуют герои, используя символику обыденных предметов (колыбель – как начало жизни и образ малой родины; качели – как символ детства и ветра свободы).

Еникеев считает, что сценограф обязан быть живописцем. Особенно ярко в его творчестве это проявилось в оформлении музыкальной комедии «Похищение девушки», сценография которой была выполнена художником в живописно-красочном варианте, подчеркнувшем национальный колорит спектакля. Все работы художника обладают широким диапазоном творческих приёмов.

А. Лутфуллин говорил: Тан Еникеев обладает счастливым даром сценографа. Он

активно вмешивается в ткань спектакля, не подыгрывает, а играет роль солиста. Его декорации остаются в памяти не только как фон, а как равное действующее лицо, наряду с произведением автора, игрой актёров и работой режиссёра».

В области музыкального театра ведущее место, начиная с 1938 и по 1973 годы, принадлежало Мухамеду Нуриахметовичу Арсланову, главному художнику Башкирского театра оперы и балета, плодотворно развивавшему традиции русской театральной школы. Так, в 1967 году им была осуществлена сценография оперы Загира Исмагилова по либретто М. Карима «Гюльзифа», или «Волны Агидели», за которую художник был награждён премией имени Салавата Юлаева (1972). В последующие годы на сцене театра было поставлено ещё несколько музыкально-сценических сочинений, в основе которых лежали произведения Мустая Карима.

Для балета Н. Сабитова «Страна Айгуль» (1971) Арсланов создал движущийся живописный задник-панораму, что позволяло быстро менять обстановку действия. Изрытое войной поле, камера застенка, преследование фашистами беглянки сопровождалось движением цвета и света. В 1982 году был поставлен балет «В ночь лунного затмения», в 1987 – опера «Чёрные воды» (по одноимённой поэме) в оформлении Арсланова.

Каждая постановка произведений Мустая Карима – это своеобразное событие в театральном искусстве республики. Его имя тесно связано и с историей Русского академического театра драмы, на сцене которого были поставлены в 1971 году комедия «Похищение девушки», в 1984 году – пьеса «Страна Айгуль», в 2006 году режиссёром М. Рабиновичем - лирическая драма «Луна и листопад» (по мотивам повести «Помилование») в сценографии Вячеслава Виданова. В постановке был применён кино-театральный подход в решении сценического воплощения идеи, где основное действие в некоторых эпизодах сопровождалось кинопоказом.

Особые отношения связывали поэта с Башкирским государственным театром кукол. Ещё в 1940 году Мустай Карим написал пьесу для детей «Петушиная мельница», которую оформляла Мария

Ивановна Елгаштина. Но наиболее запоминающимся стал спектакль, поставленный режиссёром Б. Штейном «Не бросай огонь, Прометей!». Поначалу к постановке этой трагедии на сцене детского театра М. Карим отнёсся скептически, но позднее писал: «Прометей» ставили на сцене многих театров. И ставили хорошо. Но по силе ударного воздействия на зрителя всех их превзошёл «Прометей» в Башкирском государственном театре кукол. Решение спектакля, которое предложил Штейн, полностью вписывалось в мою эстетику. У меня не вызвал возражений даже тот приём, о котором много спорили, – диалог человека (Прометей) и куклы (Агазии). Это было сделано очень убедительно». Позднее на сцене театра ставились такие произведения Мустая Карима, как «Коня диктатору!», «Таганок», «Долгое-долгое детство», «Ульмасбай». В 2009 году состоялась новая постановка повести «Долгое-долгое детство» в оформлении художника Г. Калитова.

Кроме того, отдельную область взаимодействия художников с творчеством Мустая Карима составляет книжная графика. Произведения писателя иллюстрировали многие художники как в республике, так и за её пределами.

